

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44
С88

The Extraordinary Education of Nicholas Benedict
Copyright © 2009 by Trenton Lee Stewart
All rights reserved

В оформлении обложки использована
иллюстрация *Евгении Кобозевой*

Стюарт, Трентон Ли.

С88 Тайное общество мистера Бенедикта и легенда о сокровище / Трентон Ли Стюарт ; [перевод с английского А. Дубининой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 608 с. — (Тайное общество мистера Бенедикта).

ISBN 978-5-04-104198-4

Узнай, как из одинокого болезненного мальчика, жившего в сиротских приютах, вырос гениальный учёный МИСТЕР НИКОЛАС БЕНЕДИКТ, создавший Тайное общество мистера Бенедикта!

За много лет до того, как было создано Тайное общество мистера Бенедикта, мальчик по имени Николас Бенедикт кочевал из одного сиротского приюта в другой. Николас был очень одиноким маленьким мальчиком. К тому же он страдал от редкой болезни — Николас проваливался в сон от сильных эмоций и потрясений. И вот 9-летнего Николаса отправляют в «Детский приют-пансион Ротшильдс-Энд». К своему огромному удивлению, Бенедикт начинает понимать, что если рядом с тобой верные друзья и взрослые, готовые протянуть руку помощи, то жить счастливо можно и в сиротском приюте. А ещё дать отпор местным хулиганам Паукам и даже найти легендарное «сокровище» Ротшильдов!

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Дубинина А., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-104198-4

Посвящается Бену и Сэму Хадсонам

НАЧАЛО В САМОМ КОНЦЕ

*В*окзал на станции Пebbлтон, мрачный и покрытый угольной пылью, тускло мерцал в тумане. Свет электрических фонарей над платформой отражался в тысяче влажных поверхностей — в лужицах между рельсами, в исчерченных дождём стёклах вокзального здания, в зонтиках, горбившихся над тёмными, слабо различимыми фигурами на платформе. Зрителю с сильно развитым воображением эта картина могла бы показаться сценой из сказки — сборищем нечисти в мрачном лесу. Зонтики высились над призрачными фигурами, как огромные грибы над злобными эльфами или нежитью.

И такой зритель с сильно развитым воображением у этой сцены и в самом деле был. Мальчик, смотревший на вокзал из окна приближающегося поезда. Его воображение было ничуть не слабее его удивительно мощного интеллекта, и сказочная сцена открылась ему ещё издалека. Заодно его посетили рифмованные аллитерационные строчки — «Платформа в темноте блестела, дождь шелестел, и мысль

моя летела», и стихотворный ритм вторил перестуку колёс, что дополнительно порадовало мальчика. Главная же мысль его касалась того, что Пebbлтон — его станция, здесь нужно выходить — навстречу неизвестности, с первым шагом на платформу открыть новую страницу жизни.

Он повернулся к своей спутнице — низенькой полной старушке, носившей такие большие очки, что края шляпки упирались в верхнюю часть их стёкол.

— Как вы думаете, миссис Ферьер, это больше заслуживает называться концом путешествия или его началом?

Миссис Ферьер поспешно убирала в сумку вязанье и спицы.

— Думаю, Николас, оба этих слова тут уместны. Или любое из них, на твой вкус. — Она защёлкнула сумку и с отвращением взглянула в мокрое ночное окно. — Но в любом случае погода нам с тобой досталась скверная.

— Хотите знать, о чём я сейчас думаю, миссис Ферьер?

— Боже мой, Николас, конечно, не хочу! Если ты примешься рассуждать, не умолкнешь несколько часов, а у нас с тобой есть всего пара минут. Вот, поезд останавливается, пора выходить.

Старушка окинула Николаса оценивающим взглядом — хотя то же самое она уже делала сегодня при посадке в поезд. Николас сомневался, что он так уж сильно изменился за поездку, длившуюся полдня,

и собственное отражение в стёклах очков миссис Ферьер доказало его правоту. Он оставался всё тем же хрупким белоголовым девятилеткой в поношенной одежде, с тем же самым дурацким носом. Нос его — необычайно большой и напоминавший смешной овощ вроде кабачка — был настолько выдающимся во всех отношениях, что первым делом бросался в глаза и отвлекал внимание смотрящего от единственного, что было красивым в лице Николаса: от его ярких и пронизательных зелёных глаз. Миссис Ферьер постоянно говорила, желая его подбодрить, что, когда Николай вырастет и обзаведётся очками, неудобный нос начнёт служить ему добрую службу — на нём будут отлично держаться очки. Нужно во всём видеть хорошие стороны, любила повторять миссис Ферьер.

— Ну и как вы думаете? — нетерпеливо спросил у неё мальчик. — Они меня и в самом деле примут? Или присмотрятся и отошлют обратно, взяв с нас плату за беспокойство?

Миссис Ферьер пожевала губами.

— Ты главное не умничай и никому не дерзи, Николай, и тогда всё будет в порядке. Я же не о себе забочусь, а о твоём будущем, сам понимаешь. Веди себя прилично, постарайся быть полезным всем вокруг — и тогда приют станет для тебя началом новой счастливой жизни.

Николай искренне удивился:

— Вы в самом деле желаете мне счастливой жизни, миссис Ферьер?

— Конечно, желаю, — старушка тяжело поднялась с сиденья. — Я всем без исключения желаю счастливой жизни, разве ты не знаешь? А теперь следуй за мной — и не вздумай наступать мне на пятки, только не в этот раз!

Миссис Ферьер и Николас были единственными пассажирами, высадившимися под дождём на этой станции. Однако несколько человек подошли на посадку, и они неудобно столпились в тамбуре, сталкиваясь зонтами в попытке их закрыть и снимая мокрые плащи. Когда старушка и её подопечный наконец пробились наружу и сошли по ступенькам, платформа была совершенно пуста, если не считать единственного джентльмена в строгом сером костюме и шляпе. Он стоял под зонтом, идеально выпрямив спину, словно палку проглотил. При виде миссис Ферьер и мальчика он шагнул им навстречу, принимая старушку под защиту своего большого зонта. Джентльмен был настолько выше Николаса, что мальчик снизу вверх смог рассмотреть только его острый подбородок и тёмные ямы огромных ноздрей. От его костюма приятно пахло трубочным табаком, который Николасу всегда нравился. Так что первое впечатление было скорее нейтральным, пока мистер Коллам — таково было имя джентльмена — не представился и не велел Николасу бежать за своим чемоданом.

— У меня нет никакого чемодана, сэр, — отозвался Николас, часто моргая под дождём — ему не хватило места под зонтиком. — У меня только этот

саквояж. Меня зовут Николас, сэр. Николас Бенедикт. — Он протянул мужчине руку.

— Нет чемодана? — неодобрительно отозвался мистер Коллам. — Ну что же, такое случается, хотя я этого и не ожидал. Сегодня первый раз, когда я встречаю воспитанника на станции. — Он обращался исключительно к миссис Ферьер, а протянутую руку Николаса предпочел не заметить. — Я ведь занимаю должность директора Особняка только с этой весны, о чём вас наверняка предупреждал мистер Кукье.

— Директора Особняка? — в некотором замешательстве переспросила старушка.

— Извините, — пояснил мистер Коллам. — Наше заведение для сирот наверняка известно вам под названием «Детский приют-пансион Ротшильдс-Энд», но в наших краях люди склонны всё сокращать удобства ради, так что наше заведение именуется Детским приютом, или Особняком. В здешней местности Ротшильдс-Энд — единственная постройка такого типа, перепутать невозможно.

Николас хотел было что-то спросить, но, хотя он и заговорил членораздельно и вежливо, мистер Коллам снова не обратил на него внимания, продолжая обращаться к миссис Ферьер, будто мальчика тут и не было.

— А теперь, мадам, — сказал он, — позвольте проводить вас в здание вокзала, где вы сможете немного обсохнуть в ожидании поезда. Я бы с удовольствием пригласил вас передохнуть в Особняке, но,

боюсь, он находится далековато от Пebbлтона. По такой погоде ехать медленно, сюда мы добирались пару часов. Наш чайник только начнёт свистеть на огне, когда ваш поезд обратно уже даст последний свисток — он прибывает на станцию ровно в девять.

Николас и миссис Ферьер, которая старательно скрывала разочарование от перспективы два часа сидеть на холодном вокзале, последовали за мистером Колламом в здание станции — мрачное полутёмное помещение с посыпанным опилками полом и длинными скамьями по стенам. У кассы стоял начальник станции и пространно жаловался кондуктору на наглого воришку, который вчера вечером обчистил его курятник и унёс все яйца. Кондуктор, заметив, что старушка с мальчиком наконец высадились, глянул на часы — и поспешил назад к поезду (начальник станции шёл за ним по пятам, желая рассказать свою горестную историю до конца). В зале ожидания остался только рыжий мужчина, сидевший на лавке у стены, уткнувшись в газету с пятнами дождя на страницах.

— Можно быстро переговорить с вами наедине, мистер Коллам? — спросила миссис Ферьер. — По личному вопросу?

— Разумеется, — отозвался тот и впервые удостоил Николааса взгляда — только для того, чтобы жестом приказать ему стоять на месте и не вмешиваться. После чего увлёл миссис Ферьер к кассе, где они оба отвернулись к стене и о чём-то начали говорить приглушёнными голосами.

Николас напряг слух, но не смог разобрать ни слова. Тогда он переключил внимание на рыжеволосого читателя газеты. Это был пожилой мужчина, лет на десять старше мистера Коллама. Грубые загорелые руки выдавали в нём человека физического труда (и очень отличались от бледных рук директора с подстриженными ногтями, с единственным не до конца отёртым пятнышком чернил на пальце). Волосы рыжего мужчины лежали таким образом, будто он недавно носил шляпу, однако никакой шляпы на лавке рядом с ним — и на шляпной стойке в углу — Николас не заметил. Не без труда рыжий перевернул газетный лист (листы слиплись из-за влаги) и продолжил читать, шевеля губами, словно беззвучно повторяя слова себе под нос. Николас в попытке развлечься секунд десять читал по его губам фразу «...ожидаемое по окончании войны повышение цен на зерновые...», потом ему стало скучно, и он потерял интерес к человеку с газетой.

Мальчик переключился на расписание поездов, висевшее над кассой. Девятичасовой поезд, на котором собиралась уехать обратно миссис Ферьер, был пятым составом, прибывающим сюда в течение дня — а кроме того, последним. Похоже, Пиблтон был настоящей богом забытой дырой. Николас подошёл к ближайшему окну, выходящему на улицу. На обочине дороги стоял старенький пикап «Студебеккер», шины были покрыты грязью, от капота поднимался пар. За машиной Николас разглядел, даже не особо вертя головой, практически весь городок

Пеблтон: площадь с несколькими магазинчиками, пустые к вечеру рыночные прилавки под дождём, кое-где — небрежно припаркованные автомобили. Вдали в сумерках возвышалась силосная башня, напомнившая Николасу о маяке, едва различимом за водами туманного моря. Слабое марево за деревьями к западу было жалкими обрывками заката, на который только и оказался способен сегодняшней ненастный день.

Со стороны платформы послышался свисток поезда. Николас наострил уши, надеясь, что шум заставит взрослых говорить громче — ему, конечно же, было интересно, потому что они точно обсуждали его, Николаса, судьбу. Однако грохот и пыхтение отходящего поезда были настолько оглушительными, что мальчик всё равно ничего не слышал бы, даже кричи взрослые в голос. Стёкла в вокзальных окнах задрожали, дощатый пол затрясся. Потом Николас увидел в стекле чьё-то отражение у себя за спиной, развернулся и встретился глазами с миссис Ферьер, смотревшей на него прощальным строгим взглядом. Мистер Коллам замешкался у кассы, сверя свои карманные часы со станционными.

Очевидно, что старушка и мальчик сейчас видели друг друга в последний раз. Им пришлось дожидаться, когда поезд отъедет достаточно далеко, чтобы заговорить, и Николас использовал эти секунды для размышлений. Ему давно было интересно, с каким выражением лица миссис Ферьер будет с ним прощаться. Этот момент настал — и Николас мог убе-

диться, что его догадки были верными. У миссис Ферьер было ровно такое выражение, как он и ожидал: деловое, вежливое, отстранённое и настолько серьёзное, что это было даже смешно. Он понимал, что такой серьёзный вид она на себя напустила из-за него, боясь, что он выкажет испуг или печаль. Она не была особенно привязана к мальчику — наверное, из-за тех его качеств, которые она именовала дерзостью и редкостным нахальством. Однако миссис Ферьер всегда считала, что характер ребёнка можно исправить, и черпала в этой вере утешение, до последнего не оставляя попыток исправления.

О настроении Николаса она тревожилась понапрасну. Уж каким-каким, а печальным или испуганным сейчас он не был. Последний сиротский приют, в котором он провёл несколько лет, был настолько ужасным, что перспектива распрощаться с ним навеки не вызывала у мальчика ничего, кроме радости. По правде сказать, Николас напоследок устроил своим тамошним мучителям сюрприз, расовав им по наволочкам селёдочных голов, украденных из кухонной помойки, после чего с удовольствием отряхнул прах сиротского заведения с ног. О нет, он вовсе не печалился — и не боялся тоже, разве что слегка нервничал. Ну, если и боялся, то самую чуточку. Вряд ли этот Особняк мог оказаться хуже прошлого приюта — к тому же оставался шанс, что он будет лучше.

Не успел последний вагон поезда скрыться в тумане, как рыжий мужчина встал с лавки, потянулся,